

К вопросу о развитии значения интенсификатора у качественных наречий на материале чешского и польского языков

Михаил С. Хмелевский – Ольга В. Раина (Санкт-Петербург)

On the Issue of Formation of Intensification Value in Qualitative Adverbs on Material of Czech and Polish Languages

The paper proposes lexical and etymological analyses of some models of formation and development of intensification in the semantic structure of qualitative adverbs in Czech and Polish languages from the comparative aspect.

Keywords: qualitative adverbs, adverbs-intensifiers, expression, lexicology, etymology, Slavic languages, Czech language, Polish language

Во всех славянских языках в качестве языковой универсалии выделяется разряд наречий степени признака и меры (наречия-интенсификаторы), представляющих собой синонимический ряд, ядром которого в русском языке выступает лексема *очень*, *весьма*, укр. *дуже*, блр. *вельмі*, польск. *bardzo*, чешск. *velmi*, *velice*, *moc*, словацк. *veľmi*, в.-луж. *derje*, сербск./хорв. *veoma*, *vrlo*, *jako*, словенск. *zelo*. Всего в количественном отношении нам удалось выявить приблизительно по 70–90 различных по частотным, стилистическим и валентным характеристикам единиц для каждого из славянских языков (Хмелевский 2018, 208). Для иллюстрации в русском языке следует привести замечание на эту тему лингвиста В. В. Колесова: «Окрашенные эмоцией слова всегда мимолетны, так, еще в 17 веке сказали бы просто: *очень рад*, затем возникло выражение *сильно рад*, наконец, появились уже знакомые нам *ужасно рад* или *страшно рад*» (Колесов 1998, 136). Не менее иллюстративным для анализируемой в настоящей статье лексико-грамматической группы слов может служить комментарий М. Горького: «Воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как *ужасно смешно*, до смерти хочу есть, *страшно весело*; мне казалось, что смешное не может быть ужасным, веселое – не страшно и все люди едят вплоть до дня смерти» (Горький 1972, 141). Слова М. Горького подтверждают тот факт, что еще в начале XX в. подобные употребления воспринимались как языковой оксюморон, который с течением времени превратился в расхожее экспрессивное сочетание качества с усилителем, которое сегодня уже не вызывает недоумений по поводу уместности его употребления в языке.

Подобный сдвиг значения в сторону интенсификатора как языковую универсалию мы можем наблюдать во всех славянских языках: чешск. *strašně se mi líbí, jsem strašně rád, strašně vděčná*, польск. *pani Wiesia strasznie lubi jeździć po świecie, strasznie go kocham, strasznie śmieszna twarz, strasznie się cieszyć, strasznie dużo ludzi*, словацк.: *strašne pekné dievča, strašne sme sa tešili na výlet*, сербск. *страшно ми се донада*,

страшно те волим, страшно духовит човек, хорв. *strašno lijep, strašno pametan, strašno je smješno bilo*, словенск. *to je strašno lep jezik, strašno je priden, strašno rad dela na vrtu* и т.п. Более того, в сербском разговорном языке это наречие часто используется для выражения положительной эмоции, восторга, приобретая междометные характеристики: *Kako je bilo na koncertu? – Strašno!* – т.е. ‘прекрасно, отлично’.

В настоящей статье данную лексико-грамматическую группу близких по значению слов рассмотрим на материале чешского и польского языков в таких словосочетаниях, как, например: чешск. *velmi důležitý, strašně se těšit, moc dobrý, velice krásný, úžasně zajímavý, hrozně poctivý*, польск. *bardzo ciekawy, strasznie miły, ogromnie lubić, okropnie dużo, niezwykle szczęśliwy*¹⁾ и т.п.

В большинстве своем эти наречия восходят к качественным прилагательным, которые в результате определенных метафорических трансформаций внутри своей семантической структуры развили лексическое значение, послужившее толчком для формирования интенсификатора у производных адвербиальных словоформ. Так, образованные от качественных имен прилагательных, имеющих, наряду с основным, вторичное значение признака в высокой степени его проявления, мотивированные наречия преимущественно развивают значение интенсификатора уже как основное вследствие перехода от изменяемой к неизменяемой части речи (Строева 1958, 141). Конечной фазой семантических преобразований внутри качественного наречия может стать контекстуально обусловленное частичное или даже полное затемнение и вытеснение исконного качественного значения семой показателя степени действия или меры проявления признака. Сравним пары употреблений одного и того же наречия в 1) качественном значении и 2) в значении интенсификатора:

чешск. 1) *strašně křičet* – 2) *strašně hezký*; 1) *děsně řvát* – 2) *děsně krásné oči* (ср. *ta Praha je děsně hezká*); 1) *šíleně se chovat* – 2) *šíleně velký*; 1) *hrozně koulet očima, hrozně výt* – 2) *hrozně sympatický, hrozně moc lidí*;

польск. 1) *serce mocno bije* – 2) *mocnie drogi*; 1) *straszno wyglądać* – 2) *strasznie zabawny, strasznie lubić* и т.п.

Как видно из приведенных примеров, данный процесс перехода качественного наречия в разряд показателей высокой степени признака в ряде случаев может быть объяснен также и синтаксическими причинами: утрата связи с исконным качественным значением зачастую происходит в сочетании этих наречий с качественными прилагательными или другими наречиями (как в примерах выше), а также с лексической группой глаголов, выражающих чувства и субъективную оценку, которые могут быть измерены по степени силы своего проявления: чешск. *strašně mít rád, děsně slušet* (ср. *Byla nadšená, tvrdila mi, jak mi to bude děsně slušet*), *šíleně zbožňovat, hrozně se zalíbit*, польск. *strasznie ładny, okrutnie zazdrościć, potwornie fajny* и т.п. (Хмелевский 2018, 211).

Данную группу наречий-интенсификаторов, в большинстве своем образованных от качественных прилагательных, все же следует отличать от группы качественных наречий и тем более от группы наречий, обозначающих неопределенное количество. Разряд наречий-интенсификаторов объединяет лексемы с общим значением показателя высокой степени проявления признака и интенсивности действия в одну лексико-грамматическую группу, ядром которой выступают наиболее частотные

1) Здесь и далее примеры приводятся из словарей чешского и польского языков (см. Раздел «Литература»).

и стилистически нейтральные наречия: чешск. *velmi*, *velice* и польск. *bardzo*. Основной функцией интенсификатора является выражение усиления степени действия, признака, а также признака признака, т.е. другого наречия, равно как и категории состояния, соответственно, они являются показателями измерений по имплицитной шкале. Что касается количественных наречий, то они квантифицируют лишь частотность, многократность или длительность (а не степень) действия, а также указывают на большое неопределенное количество, тогда как качественные наречия дают качественную характеристику признаку или действию. Для иллюстрации вышесказанного приведем следующие примеры:

- 1) чешск. *Zuzka se často (hluboce, celoživotně) zajímala o hudbu*, польск. *Piotr często (głęboko, ciagle) się mylił w życiu* – качественная характеристика действия;
- 2) чешск. *Zuzka se moc (hodně, pořád) zajímala o hudbu*, польск. *Piotr strasznie (dużo, wiele razy, wielokrotnie) się mylił w życiu* – ‘много, часто’ – количественная квантификация, частотность, многообразие;
- 3) чешск. *Zuzka se velmi (velice, hrozně, strašně) zajímala o módu*, польск. *Piotr bardzo (mocnie, grubo, nadzwyczaj, niezmiernie) się mylił w życiu* – ‘очень, сильно’, как интенсификация действия.

Рассматривая данный разряд слов внутри лексико-семантической категории количественности, следует отметить, что наречие выступает одним из самых распространенных средств передачи интенсификации в языке (Сергеева 1966, 79). В свете отнесенности наречий-интенсификаторов к категории экспрессивности и оценки чешский лингвист В. Матежиус отмечал, что характерной чертой слов данной группы является непрерывная тенденция к стиранию и постепенной утрате первичной эмоциональной окраски, которая относится к разряду нестабильных в любом языке, постоянно меняющихся характеристик значения. По этой же причине язык постоянно нуждается в новых способах и формах выражения интенсификации, вследствие чего непрерывно появляются новые лексемы, для которых экспрессивно-эмоциональная окраска еще «свежа» (Хмелевский 2018, 213). Процесс расширения разряда слов-интенсификаторов в языке постоянен, причем развитие их значений протекает по определенным лексико-семантическим моделям, во многом параллельным для близких и неблизких языков моделям (Сергеева 1966, 79).

Так, на материале анализируемых западнославянских языков выделяются модели формирования наречий-интенсификаторов на базе качественного значения производящего прилагательного «большой по размерам» (чешск. *velmi*, *obrovsky*, *ohromně*, польск. *wielce*, *ogromnie*), «сильный» (чешск. *silně*, *moc*, *tuze*, польск. *silnie*, *mocno*), «ужасный, жуткий» (чешск. *strašně*, *děsně*, *úžasně*, *hrozně*, польск. *strasznie*, *straszliwie*, *okropnie*, *przeraźliwie*, *potwornie*), «крайний, предельный» (чешск. *krajně*, *maximálně*, *smrtelně*, польск. *śmiertelnie*, *maksymalnie*), «положительный» (чешск. *hodně*, *pořádně*, *slušně*, польск. *porządnie*, *dobrze*), «необыкновенный» (чешск. *nezvykle*, *mimořádně*, *neobyčejně*, *nevšedně*, польск. *niezwykle*, *niezwyczajnie*, *nadzwyczajnie*), «быстрый» (чешск. *prudce*, польск. *bardzo*) и ряд других, менее продуктивных.

С точки зрения сравнительной славянской лексикологии, на материале чешского и польского проследим результаты семантических трансформаций у качественных наречий в сторону развития значения показателя высокой меры или степени. Лексико-семантические модели становления данной группы слов в основном сходны во всех славянских языках, однако различия обнаруживаются на уровне лексического

состава данной группы слов, экспрессивного наполнения, синтаксической сочетаемости и стилистической, экспрессивно-эмоциональной окраски наречий, развивших семантический признак интенсификатора.

Итак, одним из самых древних наречий-интенсификаторов в славянских языках является ряд слов, образованных от общеславянского качественного прилагательного с корнем **vel-*: др. чешск. *velmĕ*, совр. чешск. *velmi*, *velice*, книжн. польск. *wielce* (ср. др.русск. и укр. *вельми*, серб. и хорв. *veoma*). Исконная форма мотивирующего качественного прилагательного **velьjь* в значении ‘большой’ была известна еще древнечешскому языку в форме *velí*. Словарь Й. Юнгманна фиксирует употребление производного от него наречия в значении интенсификатора, утраченное в современном языке: *Ten imieše dceř jdinu sobie i všiem milu wele* (Jungmann 1835–1839). В современном польском языке, в отличие от чешского, широко используется однокоренная лексема, которая функционирует как числительное *wiele* в значении показателя большого неопределенного количества (русск. *много*, чешск. *mnoho*, *hodně*): *wiele ludzi*, *wiele kłopotów*, *wiele lat* и т.п.

Продуктивным словообразовательным формантом для наречия, мотивированно-го праславянским прилагательным **velьjь* в большинстве славянских языков стала форма двойственного числа творительного падежа: чешск. *velmi* (ср. др.русск. *большими* в рамках той же модели сдвига значения ‘большой’ – ‘очень’). В данном слове изначально была заложена семантическая потенция интенсифицировать действие или признак. Данное наречие является самым распространенным и стилистически не окрашенным интенсификатором в современном чешском языке, составляющим ядро синонимического ряда слов-интенсификаторов. Древнечешскому языку также была известна застывшая форма творительного падежа единственного числа, перешедшая в разряд неизменяемой части речи – наречия и употреблявшаяся в том же значении показателя высокой степени и меры: *velim: Zavidiechu bohatstvo jej velim* (Jungmann 1835–1839). В древнепольском языке (14–15 вв.) также встречаем наречие *wielmi* в значении, аналогичном современному чешскому, которое к 16 веку было полностью вытеснено наречием *bardzo* (Brückner 1957).

В современных славянских языках мы находим и другие наречные образования с праславянской словоформой с суффиксом *-ik-*, а именно чешское *velký*, *veliký* и польское *wielki* в значении ‘большой, великий’. Таким образом, в чешском языке встречается и производное наречие *velice*, образованное по характерному для чешского словообразования типу с соответствующим чередованием *k/c* и выступающее в функции стилистически не окрашенного, широко распространенного интенсификатора: *velice se těším*, *velice dobrý*, *velice zajímavý*, *velice mnoho*. С другой стороны, в древнепольском языке, еще в первом переводе Псалтыри, встречается аналогичная форма наречия *wielce* в функции интенсификатора (Brückner 1957). Сегодня эту лексему можно встретить только в официально-деловом польском языке и высоком стиле в качестве языкового штампа, в качестве показателя высокой меры и степени: *wielce przyczynić się*, *wielce szanowny panie doktorze* – часто в клишированной конструкции обращения. В чешском также фиксируется употребление формы наречия *velce* в том же значении, но уже архаичном для современного языка: *velce květovaný ubrus* (Jungmann 1835–1839).

Значительный интерес для сопоставительной славянской лексикологии представляют собой интенсификаторы чешск. *ohromně*, польск. *ogromnie*, сформировавшиеся по аналогичной семантической модели – от значения мотивирующего прилагатель-

ного ‘очень большой, огромный’. Этимологически данные лексемы связываются с общеславянским глаголом *ohromiti* – «громом или грохотом испугать, как громом оглушить, ошеломить» (Machek 1968). Чешскому языку времен Й. Юнгманна еще были известны ставшие уже архаичные употребления типа *ohromný hlas* – «голос, от которого исходит ужас, оглушающий голос», *ohromná bouře* – т.е. «оглушающая по силе звучания буря» (Jungmann 1835–1839), застывшие в устойчивых сравнениях (УС): *hlas jako hrom, řve jako sto/devět hromů*. Причем подобным УС также свойственен сдвиг значения в сторону усиления признака: *chlap / holka jako hrom* – «сильный», *utíká jako sto hromů, jede jako hrom* – «быстро» вплоть до полной утраты качественного значения, а также *je těžký jako hrom, kamarád jako hrom* – «большой, настоящий» (Кузнецова 2009, 81).

Изучение контекстуальных условий первых употреблений чешского прилагательного *ohromný* с новым, переносным значением ‘очень большой, громадный’ показывает, что одним из импульсов для семантического сдвига послужило влияние соответствующего русского и польского лексических словоупотреблений. В своих переводах Й. Юнгманн использует слово *ohromný* как соответствие русскому *огромный* и польскому *ogromny* в значении ‘большой, крупный’. Новый семантический признак полностью соответствовал общим моделям, по которым проходило его формирование: «поражающий как громом» – «поражающий как громом, т.е. сильно – своими размерами» – «очень большой, громадный». Таким образом, подобное развитие значения как бы в ускоренном виде было повторено в процессе лексико-семантического становления чешского прилагательного *ohromný* именно под влиянием словоупотребления однокоренных слов в близкородственных языках (Лилич 2016, 178). Некоторое время в языке сосуществовали как прежнее, так и новое производное значение, ср.: *ohromný třesk mečů* – ‘оглушительный звон мечей’ и *ohromné zdi* – ‘большие стены’. В современном польском языке наряду с переносным значением данного прилагательного ‘большой, громадный’ (*ogromny chłopisko, ogromna radość* и т.п.) сохраняется и его исконное значение: *Batalion!... naprzód marsz!... – wrzasnął ogromnym głosem nasz major; Śmiech ogromny jak grzmot rozległ się w zgromadzeniu* (Doroszewski 1958–1969). Таким образом, согласно общим закономерностям, как в чешском, так и польском и других славянских языках лексико-семантической группы интенсификаторов в качестве основного значения мотивированного наречия развился признак показателя высокой степени и меры: чешск. *ohromně vysoký, ohromně ti to sluší, ohromně důležitý*, польск. *ogromnie duży, ogromnie miły, ogromnie lubić, ogromnie się cieszyć, ludzie zakochani są ogromnie zabawni*. Причем подчеркнем, что толчком для становления и развития семы интенсификатора в чешской лексеме послужило именно польское и русское влияние (посредством переводов) лексического наполнения прилагательных и наречий в соответствующих языках (Лилич 2016, 179).

По аналогичной модели проходило также развитие значения показателя меры и степени признака у чешского наречия *náramně*, а именно на базе семантического признака производящего прилагательного со значением «очень большой, огромный». Чешский лингвист Й. Юнгманн толкует этимологию этого слова через существительное *ramě* – ‘плечо’, следовательно, исконное значение данного прилагательного – «такой большой, что можно унести только на плечах» (Jungmann 1835–1839), а префикс *ná-* также выступает в значении усиления подчеркнутости интенсифицирующего оттенка: *náramně vysoký, náramně velký, náramně se bát* и т.п. В польском же языке подобного сдвига в семантической структуре однокоренной лексемы не произошло,

прилагательное *naramienny* сохранило свое исконное значение, мотивированное производящим корнем *ram-* – ‘наплечный’ (напр. *kamera, torba* и т.п. *naramienna*).

По аналогичному пути проходило становление и формирование семантической структуры чешского и польского наречий с корнем *moc-* с первоначальным значением ‘сила’. Различия выявляются только на уровне стилистики, а именно в чешском языке данное наречие относится к высокому стилю: *To mě mocně inspiruje* – ‘это меня сильно вдохновляет’, тогда как для польского языка подобные употребления стилистически не маркированы и довольно частотны в современном польском языке: *mocno pozytywnie wrażenia* – ‘очень, сильно положительные впечатления’, *mocno wierzyć* – ‘очень, сильно верить’, *mocno kochać* – ‘очень, сильно любить’, *jestem mocno zdziwiony* – ‘я очень, сильно удивлен’ и т.п. Вместе с тем, необходимо отметить, что в чешском языке в качестве интенсификатора действия или степени широко используется адвербиализированное существительное *moc* – ‘сила’ – ‘сильно’: *to mě moc mrzí* – ‘это меня очень, сильно раздражает’, а также с абсолютно стертой семантической связью с исконным значением: *byl bych moc rád* – ‘я был бы очень рад’, *znám ho moc dobře* – ‘я знаю его очень хорошо’, *moc slabý* – ‘очень, букв. сильно слабый’ и т.п. Тогда как в польском языке лексема *moc* встречается только в качестве числительного со значением показателя неопределенного количества – ‘много, масса, куча’ и имеет оттенок архаичности, напр., *na weselu było moc ludzi* – ‘на свадьбе было много людей’.

По похожей модели проходило развитие рассматриваемого значения и у наречий с общеславянским корнем *sil-* – сема силы служила толчком для развития представления о степени интенсивности проявления признака или действия, напр., чешск. *silně se bát* – ‘очень, сильно бояться’, *silně vážný* – ‘очень, букв. сильно серьезный’, *silně si přát* – ‘очень, букв. сильно желать’, польск. *silnie chcieć* – ‘очень, букв. сильно хотеть’, *silnie się cieszyć* – ‘очень, букв. сильно ждать, хотеть (чего-л.)’. Подобный перенос значения сопровождается и поддерживается наличием в языке сочетаний, где одно конкретное существительное приобретает значение количественного наречия и выступает в качестве показателя большого неопределенного количества. В чешском разговорном языке мы встречаем такие употребления, как *sila lidí, sila peněz* – т.е. ‘много людей’, ‘много денег’. Однако в польском языке лишь в древней литературе возможно обнаружить аналогичные сочетания в данном значении, которые сегодня относятся к архаизмам: *sila zlego dwu na jednego* (Brückner 1957).

Общеславянское слово **sila* ряд этимологов соотносят с индоевропейским корнем **si-* «связывать» (ср. нем. *Saila* – ‘шнур’). Такое сопоставление проясняет затемненную этимологию славянского корня: сила есть материальный предмет, гибкий шнур, предназначенный нести нагрузку, выдерживать натяжение; позднее название передалось самому предмету натяжения, нагрузки (Мурьянов 1982, 52). В этой связи и в подтверждение исторической трансформации представления о связанном, натянутом предмете в сторону понятия силы с последующим развитием значения интенсификатора у производного наречия приведем пример с чешской лексемой *tuze*, образованной от качественного прилагательного *tuhý* (этимологически восходит к **ten-* – ‘напрягать, тянуть, стягивать’ (Rejzek 2015)) – 1) «крепкий, прочный, твердый» (*tuhé maso, tuhý odpad, kniha s tuhou vazbou*), 2) «интенсивный, тяжело проходящий, жестокий, сильный» (*tuhý boj, tuhá zima*). Второе значение мотивирующего прилагательного послужило толчком для формирования значения показателя степени с полностью стертой исконной семантики у производного наречия, которое в книжном чешском языке выступает исключительно в качестве интенсификатора

признака либо действия, т.е. в значении, синонимичном чешск. *velmi, velice*, русск. *очень*: *je to tuze hodný člověk* – ‘это очень добрый человек’, *výlet na zřícenině hradu se dítkám tuze líbil* – ‘экскурсия на развалины крепости детям очень, сильно понравилась’ (SSJČ IV). Аналогичную модель семантического сдвига находим и у русского наречия *крепко*: *крепко сжать, обнять* – ‘с силой’ (исконное значение) и *крепко любить*.

В продолжение рассмотрения данной модели семантического развития от «силы» в сторону интенсификатора следует проанализировать также становление значения показателя высокой меры и степени у чешского наречия *ukrutně* и польского *okrutnie*, выступающих в одном синонимичном ряду с чешскими *velmi, velice, moc* и польским *bardzo*. Этимологически эти лексемы связываются с общеславянским глаголом в древнечешской форме *ukrútití* – «скрутить, свить в веревку» (Machek 1968). Как было отмечено выше, подобное действие на праиндоевропейском уровне мышления непосредственно ассоциируется с представлениями о физической силе, таким образом, у однокоренного прилагательного развиваются переносные значения ‘сильный, значительный по степени своего проявления’, а также ‘безжалостный, жестокий, суровый’: чешск. *ukrutná bolest* – ‘жуткая, ужасная боль’, *ukrutná nenávisť* – ‘страшная ненависть’, польск. *deszcz był okrutny* – ‘был сильный, страшный дождь’, ср. архаичные употребления, напр.: *most z okrutnych kamieni* – ‘мост из больших, огромных камней’ и т.п. Подобный перенос значения послужил толчком для формирования семы показателя высокой степени признака у производных наречий, причем качественное значение у них зачастую нейтрализуется: чешск. *ukrutně se lekl* – ‘очень, букв. сильно, страшно испугался’, *ukrutně zvědav* – ‘очень, букв. сильно, страшно любопытный’, *byl ukrutně rád* – ‘он был очень, букв. страшно рад’, польск. архаичное: *okrutnie bogaty człowiek* – ‘ужасно богатый человек’, *ta dama jest okrutnie grzeczna, druga okrutnie gruba, jednego okrutnie kocha, drugiego okrutnie lubi* – ‘эта дама ужасно вежлива, вторая – сильно грубая, одного ужасно / сильно любит (сердцем), второго ужасно / сильно любит (т.е. ей нравится)’ (Linde 1854–1860). Чешско-польские различия отмечаются лишь на стилистическом уровне. Чешское наречие обладает яркой эмоционально-экспрессивной окраской и отнесенностью к разговорному стилю языка, тогда как употребление польского наречия в значении интенсификатора признака либо действия определяется в словарях как архаичное или региональное.

По аналогичному пути развития проходило становление значения интенсификатора у чешского и польского наречий с основой *strach-*, ср.: чешск. *strašně hodný* – ‘страшно добрый’, *strašně zvědavý* – ‘страшно любопытный’, польск. *strasznie dużo* – ‘страшно много’, *strasznie głodny* – ‘страшно голодный’ и т.п., причем стоит отметить, что развитие семы «большое количество» с затемнением искомого значения фиксируется уже у самого мотивирующего качественного прилагательного, ср.: чешск. *namáhal se se strašnou mocí, strašně chutě*, польск. *zarabiał strasznie pieniądze, miał strasznie problemy* – т.е. «большие (настолько большие, что количество вызывает страх, ужас)» и т.п. Любопытны в этом смысле и употребления производных адverbialных числительных, т.е. показателей неопределенно большого количества, как в примерах: чешск. *bylo tam strašně lidí*, польск. *miał strasznie pieniędzy*. В работах чешских исследователей нередко встречаются рассуждения об уже признанном факте, что в разговорном языке вполне нормально услышать такие (несовместимые) сочетания-оксюмороны, как *strašně krásný* – ‘страшно красивый’, *hrozně dobrý* – ‘ужасно хороший’, аналогичные мнения находим и у польских исследователей о том, что выражения, типа *jest mi potwornie miło, było to makabrycznie pięknie*,

masakrycznie przystojny, masakrycznie dziwny dzień и т.п. по сравнению с *bardzo miło, pięknie, przystojny* информируют о большей силе или более высокой степени либо качества, либо действия, выраженного глаголом, заключая в себе намного больше эмоционально-экспрессивной окраски (Mitręga 2014, 92). Причем подобные употребления являются универсальными для всех славянских языков, ср. русск. *страшно любить, страшно интересоваться*, словацк. *strašne pekná, strašne múdry fešák*, сербск. *страшно лепа жена, страшно добар човек*, словенск. *strašno rad dela na vrtu* и др. (Хмелевский 2018, 214).

По той же лексико-семантической модели «страшно» – «очень» формируется и закрепляется значение интенсификатора у польского наречия *okropnie*. Интересно проследить развитие семантической структуры данного слова в истории развития языка. Этимологически оно соотносится с лексемой *kropła* – ‘капля’, соответственно, глагол *kropić* – букв. ‘брызгать’ (ср. русск. *окропить*, чешск. *kropit ulice, prádlo... – ‘брызгать, поливать улицы, белье...’*). У польской лексики произошел семантический сдвиг, не известный другим славянским языкам, еще в древний период развилось значение, связанное с горячей, обжигающей жидкостью (*ukrop* – ‘кипяток’). Следовательно, исконным значением мотивирующего прилагательного *okropny* является ‘тот, который обдаёт кипятком’, которое впоследствии расширилось и абстрагировалось до семы ‘приводящий в жар, ужас’. Данный перенос значения зафиксирован еще в древнепольском языке, где встречаем употребление прилагательного *okropny* уже в современном его значении ‘жуткий, ужасный, чудовищный’ (Brückner 1957). По вышеописанной модели однокоренное наречие наряду с качественным значением (*okropnie wyglądać* – ‘ужасно выглядеть’) развивает значение показателя интенсивности, вытесняя первичный семантический признак: *okropnie dużo, okropnie wielki, okropnie się zmęczyć* и т.п. С. Линде в своем словаре фиксирует первые употребления данного наречия в значении интенсификатора в польских памятниках 2-ой половины XVIII в.: *Trafił na koniec w głąb przepaści rozprotej okropnie*, а в текстах XIX в. подобные сочетания встречаются довольно часто и в большом количестве (Mitręga 2014, 97). Эти примеры показывают, что для формирования значения релевантным выступает семантический признак – в данном случае – страха, послуживший толчком для развития значения интенсификатора.

В рамках рассматриваемого вопроса становления значения интенсификаторов любопытно проанализировать развитие семантической структуры чешского наречия *úžasně*. В польском языке мы не обнаруживаем аналогов, кроме этимологически однокоренного глагола *zachnąć się* – ‘возмутиться, ужаснуться’. Этимологически чешское прилагательное *úžasný* также бесспорно связывается с общеславянским значением ‘жуткий, вызывающий чувство ужаса, страха’ (Zubatý 1945, 219; Holub 1937). В древнечешском языке оно еще выступало в своем исконном значении, однако впоследствии было полностью вытеснено переносным – ‘вызывающий большое удивление, изумление, поразительный, потрясающий’, вследствие чего прилагательное приобрело положительную коннотацию (Строева 1958, 145). Семантические процессы затронули все чешские лексемы с общей основой *úžas*. В современном чешском языке мотивирующее существительное имеет одно единственное значение ‘удивление, изумление, восхищение’: *s úžasem poslouchat Mozarta* – ‘с восхищением слушать Моцарта’, а производное прилагательное *úžasný film, úžasný oběd, úžasný člověk, úžasný den* и т.п. только в значении ‘отличный, прекрасный, замечательный’, равно как и производное наречие: *úžasně hrát na klavír, úžasně zpívat, úžasně vypadat*

и т.п. – т.е. ‘чудесно, восхитительно’ (ср. антонимичные аналогичные употребления русск. *ужасно играть на пианино, ужасно петь, ужасно выглядеть*, сербск. *ужасно свирати клавир, ужасно певати, ужасно изгледати*). На этом развитие семантики чешского наречия не останавливается, и оно по общеславянской модели «удивительно» – «очень» развивает в своей семантической структуре значение интенсификатора и выступает в значении, синонимичном стилистически нейтральным показателям меры и степени *velmi, velice* и полностью стертым в таких контекстуальных употреблениях, как, например: *úžasně velký, úžasně dobrý, já jsem úžasně rád* и т.п. с общим значением «очень». Таким образом, развитие семы интенсификатора у данного чешского наречия проходило одновременно по двум моделям: 1) «страшно, ужасно» – «очень» и 2) «удивительно, поразительно» – «очень». Становление значения усиления признака обусловлено также и семантическим сдвигом у самого мотивирующего прилагательного, которое наряду с обозначением качества (*úžasně počasí* – ‘прекрасная погода’) развило экспрессивно-эмоциональную сему выражения максимальной степени проявления в сочетании с определяемыми существительными с абстрактным значением: *úžasná radost, úžasně bohatství, úžasná rychlost* – т.е. ‘большая, огромная радость, богатство, скорость’. Данный пример показывает, что толчком для формирования значения интенсификатора может служить не один, а совокупность нескольких семантических признаков, исконно заложенных (живых или утраченных) в семантической структуре наречия и потенциально способных к подобным семантическим трансформациям по общезыковым моделям.

По особому пути проходило развитие семантики чешского наречия *značně* и польского *znacznie*. Мотивирующее прилагательное чешск. *značný*, польск. *znaczny* этимологически связывается с именем существительным *znak*, таким образом, его исконное значение может быть буквально истолковано как ‘хорошо обозначенный, хорошо заметный глазу, бросакий’ (по модели становления семантики чешского прилагательного *okatý* и наречия *okate* – ‘явно, броско’). Данное значение, отмечаемое уже в словаре Й. Юнгманна как архаичное (Jungmann 1835–1839), судя по чешским памятникам, к началу XX века полностью утрачивается. При этом в качестве основного значения как в чешском, так и польском прилагательных развивается сема «большой, огромный»: чешск. *značná výška, značné rozměry*, польск. *w znacznej mierze, znaczna szkoda*. Толчком для изменения качественного значения у мотивированного наречия послужили словосочетания, в которых одновременно заложены два представления – о наглядности, броскости и величине: чешск. *značně vysoké ceny*, польск. *znacznie wyższy*.

Для полноты нашего обзора в заключение рассмотрим еще одну лексико-семантическую модель формирования разряда наречий-интенсификаторов, которое проходило на базе качественного значения производящих прилагательных «скорый, быстрый, стремительный», по которой в польском языке возник современный стилистически нейтральный показатель степени, меры и действия *bardzo*. Это наречие способно выступать как в качестве показателя неопределенного количества, т.е. «много» (*on ostatnio coś bardzo myśli, bardzo pije* и т.п.), так и в значении наиболее частотного польского интенсификатора (*bardzo dobry, bardzo lubić, bardzo daleko, bardzo żatować* и т.п.). Исконно это наречие возводится к качественному прилагательному со значением ‘быстрый, скорый, резкий’ (ср. русск. *борзые (собаки)*, чешск. *brzká odpověď* – ‘скорый ответ’, сербск. *брзи ход* – ‘быстрая походка’, словенск. *brzi vlak* – ‘скорый поезд’). В польском языке начиная с XVI в. вместо формы *barzo* (ср.

сохранившиеся в таких фразеологизмах, как *wsadzać na barzego, zasadzać z barzego (konia)*) укореняется форма *bardzo* в современном значении, полностью вытесняя исконное ‘быстрый, скорый’ (Bańkowski 2005). Для современного носителя польского языка мотивировка интенсификатора *bardzo* полностью утрачена, о чем свидетельствуют такие вполне естественные для современного языка, но этимологически не соединимые сочетания, как *bardzo powolny* – ‘очень медленный’ (этимологически букв.: ‘быстро медленный’).

Данная модель развития семантики не является уникальной только для польского языка. Так, примеры наречий, развивших признак показателя высокой степени и меры по аналогичной модели, что и польское *bardzo*, т.е. на базе качественного признака «быстро, резко», находим и в чешском языке. Речь идет, прежде всего, о наречии *prudce*, мотивированном качественным прилагательным *prudký* в значении ‘очень быстрый, резкий, скорый’: *prudký běh, prudká jízda* и т.п. В качестве переносного значения развивается сема «сильный, мощный» как у прилагательного (*prudký vítr* – в зависимости от контекста это может быть «быстрый ветер» и или же «сильный ветер», или же оба значения могут совмещаться одновременно), так и у мотивированного наречия (*prudce chodit po městě* – ‘быстро ходить по городу’, *prudce fouká vítr* – ‘быстро дует ветер’, а также ‘сильно, мощно дует ветер’). Это значение легко ассоциируется с представлениями о высокой степени и меры (ср. ту же модель: чешск. *silně vysoký, moc dobrý, moc se radovat* – от исконного значения *moc* – ‘сила, мощь’, которое, перейдя из разряда имен в разряд наречий, по той же модели утратило свою исконную связь с исконным значением мотивирующего слова и в современном чешском языке функционирует в стилистически нейтральном адвербиальном значении показателя высокой степени, меры или действия), поэтому в определенных контекстах оно вытесняет исконное: *prudce se pohádat* (букв. ‘быстро’ в значении ‘очень, сильно поссориться’), *prudce se leknout* (букв. ‘быстро’ – в значении ‘очень, сильно испугаться’), *Černohorci jsou i na nejbližší bratry prudce řevniví* – ‘черногорцы и к самым близким братьям очень, весьма ревностно относятся’ (*SSJČ III*). Параллели данной модели формирования значения интенсификатора по пути «быстрый» – «очень» находим также и в русском языке у просторечного наречия *шибко* (*умный, красивый...*) от прилагательного *шибкий* (*шибкая езда, шибкий ветер* в значении ‘быстрый’), ср. польск. *szybem* – ‘быстро, пулей, стрелой’, в.-луж. *šibaty* – ‘резвый’.

Таким образом, явление перехода качественных наречий в разряд количественных и слов-интенсификаторов, т.е. показателей степени качества, признака или действия с частичным затемнением или полной утратой исконного лексического значения – это живой языковой процесс как в чешском, польском, так и других славянских и неславянских языках, благодаря чему он может быть отнесен к языковой универсалии. Данный процесс, как показано в настоящей статье на примерах из чешского и польского языков, фиксируется на протяжении всего исторического процесса их развития и отмечается в современной разговорной речи и жаргоне, поскольку вследствие стирания яркой экспрессивной стилистической окрашенности данный лексический пласт требует все новых форм и средств для ее выражения.

Сокращения языков:

блр. – белорусский; в.-луж. – верхнелужицкий; польск. – польский; русск. – русский; сербск. – сербский; словацк. – словацкий; словенск. – словенский; укр. – украинский; хорв. – хорватский; чешск. – чешский

Литература:

- Горький 1972: ГОРЬКИЙ, М.: *Полное собрание сочинений*, 15. Москва 1972.
- Колесов 1998: КОЛЕСОВ, В. В.: *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*. Санкт-Петербург 1998.
- Кузнецова 2009: КУЗНЕЦОВА, И. В.: Персонажи мифологии в устойчивых сравнениях славян. *Slavia* 78, 2009, 1–2, 69–88.
- Лилич 2016: ЛИЛИЧ, Г. А.: *Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX)*. Санкт-Петербург – Грайфсвальд – Гейдельберг 2016.
- Мурьянов 1982: МУРЬЯНОВ, М. Ф.: Сила (Понятие и слово). In: Варбот, Ж. Ж. et al.: *Этимология 1980*. Москва 1982, 50–56.
- Сергеева 1966: СЕРГЕЕВА, Е. Н.: Абсолютная степень интенсивности качества и ее выражение в английском языке. In: *Проблемы лингвистического анализа*. Москва 1966, 69–83.
- Сергеева 1967: СЕРГЕЕВА, Е. Н.: *Степени интенсивности качества в английском языке*. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Москва 1967.
- Строева 1958: СТРОЕВА, Т. В.: О причинах изменения значения слов. *Вестник Ленинградского государственного университета* 1958, вып. 2, № 40, 139–150.
- Хмелевский 2018: ХМЕЛЕВСКИЙ, М. С.: От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках). *Сибирский филологический журнал* 2018, 1, 208–218.
- Эфрон 2016: ЭФРОН, А. С.: *Моя мать – Марина Цветаева*. Москва 2016.
- Bañkowski 2005: BAŃKOWSKI, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 2005.
- Brückner 1957: BRÜCKNER, A.: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1957.
- Doroszewski 1958–1969: DOROSZEWSKI, W. [red.]: *Słownik języka polskiego, I–XI*. Warszawa 1958–1969.
- Holub 1937: HOLUB, J.: *Stručný slovník etymologický jazyka československého*. Praha 1937.
- Jungmann 1835–1839: JUNGMANN, J.: *Slovník česko-německý, I–V*. Praha 1835–1839.
- Linde 1854–1860: LINDE, S. B.: *Slovník języka polskiego*. Warszawa 1854–1860.
- Machek 1968: MACHEK, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha 1968.
- Mathesius 1982: MATHESIUS, V.: *Jazyk, kultura a slovesnost*. Praha 1982.
- Mitrena 2014: MITRENGA, B.: Wykładniki intensywności typu «straszenie», «potwornie», «przerażliwie» w historii polszczyzny. In: Kleszczowa, K. – Szczepanek, A. [red.]: *Wyrażenia funkcyjne w perspektywie diachronicznej, synchronicznej i porównawczej*. Katowice 2014, 91–107.
- Rejzek 2015: REJZEK, J.: *Český etymologický slovník*. Praha 2015.
- SSJČ: *Slovník spisovného jazyka českého, I–IV*. Praha 1960–1971.
- WSJP: *Wielki słownik języka polskiego, I–V*. Warszawa 2018.
- Zubaty 1945: ZUBATÝ, J.: *Studie a články, I*. Praha 1945.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Михаил С. Хмелевский
chmelevskij@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1980-5453

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург

Ольга В. Раина
raolga80@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6281-8148